

И. Л. Честнов²

ПРАВО В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Современный мир стал глобальным: этот очевидный тезис не нуждается в доказательствах. Однако процесс глобализации, обуславливающий право, как и все другие социальные явления и процессы, противоречив и нуждается в научном осмыслении. Сразу же замечу, что, как и любой сложный социальный процесс, глобализация многогранна, многоаспектна, а потому может быть описана, объяснена и оценена разными способами с позиции разных «метанаблюдателей». Более того, нет и не может быть «единственно верной» точки зрения по поводу того, что же представляют собой глобализация и глобальное общество³.

На мой взгляд, наиболее важными моментами глобализации или глобального мира являются его коммуникативное содержание и диффузия власти, которая выступает основанием социальности⁴. Отсюда на-

прашивается вывод о коммуникативной природе права, организуемой властью как механизмом воспроизводства коммуникации.

Право в глобальном мире предстает в качестве многогранного, полиреферентного явления с ускользающим бытием. Невозможно зафиксировать объект, с которым идентифицируется право. Такой реифицирующий взгляд на право критикует канадский философ права Б. Мелкевик. В частности, он пишет: «Нам следует принять или признать, что право не имеет никакого реального или эмпирического “существования” в этом мире. Право не имеет никакого физического или материального существования в социальном или политическом мире, и еще меньше — существования с точки зрения наличия или действительности, не говоря уже о том, чтобы быть или иметь и что, в конечном счете, следует действовать и думать соответствующим образом. Необходимо искоренить иррациональную и догматическую склонность рассуждать о праве или по поводу права так, как будто оно существует тем или иным образом, т. к. оно не существует. Модальность “существования” неприложима к праву. В этом смысле не существует никакого “объекта”, называемого “правом” в реальном, материальном, фактическом или просто “осязаемом” мире! Право не является чем-то “самим по себе” или не имеет этого признака, и мы не располагаем таким средством научного познания, которое позволило бы нам установить, чему может реально, действительно или объективно соответствовать эта символическая репрезентация, называемая “правом”. Итак, ошибочно писать и думать, будто “право” существует как “объект”, который можно схватить!»⁵. На мой взгляд, такой радикализм неуместен. Право, с моей точки зрения, существует в знаковой форме и практиках людей, включая как ментальный, так и поведенческий аспекты. Множественность того и другого

² Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. Книг: «Социальная антропология права современного общества» (в соавт.), «История политических и правовых учений. Теоретико-методологическое введение», «Актуальные проблемы теории государства и права. Диалогическая природа государства и его место в политической системе общества», «Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права», «Постклассическое правовопонимание», «Постклассическая теория права» и др.

³ Тем более что понятие «общество» относится к числу «сущностно оспоримых» и наиболее дискуссионных в современной науке. См.: Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014; Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М., 2012.

⁴ «Институты, организации и дискурсы, которые определяют и регулируют социальную жизнь, никогда не являются выражением “общества”, “черного ящика” многозначного полисемантического смысла, интерпретация которого зависит от перспектив социальных акторов. Они кристаллизуют властные отношения; иначе говоря “обобщенные средства” (Парсонс), дающие актерам

возможность осуществлять власть над другими социальными акторами, чтобы иметь власть для осуществления своих целей» (Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016. С. 31).

⁵ Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права. СПб., 2015. С. 139.

не дает возможности единой и единственной фиксации права, но это не означает того, что право «не существует» вообще. Сам Б. Мелкевик в другом месте заявляет, что «вопрос о праве решается на практике в реальном мире с людьми из плоти и крови и, в конечном счете, представляет собой завершение спора, разрешаемого процедурным, дискурсивным, аргументативным, диалектическим путем через соответствующее судебное решение»¹. Это и есть форма или модус бытия (один из!) права.

С другой стороны, после лингвистического «поворота», во многом определившего состояние (пост)современного социогуманитарного знания, любой объект, явление или процесс (включая, конечно, и право) существует в социальном смысле только тогда, когда получает наименование и означивание. Знаковая природа права² одновременно предполагает его постоянную интерпретацию (и переинтерпретацию) действующими акторами. Ситуация глобализации отличается множественностью знаковых форм, опосредующих право, «конфликтом интерпретаций» (по терминологии П. Рикера) того, что следует считать юридически значимым. Это связано с тем, что глобальный социум является мультикультурным, сложноструктурированным³.

Но кто или что задает критерии юридической значимости? Является ли это «объективным» процессом естественной эволюции, проявлением «природы вещей» или актом свободной креации? Сегодня пришло (точнее — постепенно приходит) осознание того, что *право суть конструкт власти, обусловленный «сопротивлением структуры»* (термин Б. Латура), *внешних факторов, осознаваемых и означиваемых как «структурные ограничения»*. Право, как и вся социальность, конструируется властью в широком смысле слова — прежде всего референтными группами, которые формируют социальные идентичности, в том числе предписывая социальные (и правовые) статусы как фактическое положение людей, идентифицируемых с точки зрения принадлежности к определенной социальной группе.

Власть в эпоху глобального мира значительно трансформируется: прямое насилие заменяется «мягким» информационно-идеологическим, знаково-символическим влиянием⁴, когда власть действует с помо-

щью «символического насилия»⁵. При этом меняется характер и содержание идеологии: ««идеология» вытесняется «имиджелогией» и, что немаловажно, меняется не только круг субъектов, вовлеченных в процесс производства символических форм, но и характер “потребления” последних»⁶. «Процесс коммерциализации политики в совокупности с динамичным развитием информационных технологий способствовал превращению идеологической работы в своеобразную сферу бизнеса, что, в свою очередь, привело к доминированию политтехнологов, так как политические технологии, обладающие высоким манипулятивным потенциалом, заняли ведущее место в иерархии факторов электорального успеха. Одним из важнейших последствий этой тенденции стало разрушение “традиционных” идеологий и возникновение идеологий нового типа, которые можно определить как манипулятивные»⁷.

Используя новые коммуникативные технологии, власть проникает во все сферы жизнедеятельности человека, формируя его как социального (и правового) субъекта, определяя его идентичность, потребности и интересы, экспектации и интенции. Одновременно достаточно кардинально меняется представление о власти: власть — это не инструмент, принадлежащий кому-то, кто его использует по своей воле, а всепроникающий аспект общественной жизни⁸. М. Фуко утверждал, что власть «пронизывает и производит вещи, вызывает удовольствие, формирует знание, производит дискурс»⁹. «Отношения власти глубоко укоренены в социальных связях <...> они не образуют какой-то дополнительной структуры поверх общества, о радикальном упразднении которой можно мечтать. Жизнь в обществе в любом случае означает жить так, чтобы одни могли бы воздействовать на действия других. Общество “без отношений власти” может быть лишь абстракцией. А это — скажем мимоходом — делает политически тем более необходимым анализ отношений власти именно в конкретных обществах, делает необходимым анализ их исторического формирования, того, что придает им стабильность или нестабильность, анализ условий, необходимых для того, чтобы преобразовывать одни и упразднять другие. Ведь сказать, что не бывает обществ без отношений власти, не означает ни того, что данные нам отношения власти необходимы, ни того, что в любом случае власть образует в средоточии обществ некую неустранимую фатальность; но это означает, что анализ, совершенствование, постановка под сомнение отношений власти, а также “агонизм” между отношениями власти и нетранзитивностью свободы представляют собой непрерывно стоящую перед нами политическую задачу; это также оз-

¹ Мелкевик Б. Указ. соч. С. 149.

² Знаковость или текстуальность включает не только закреплённость права в соответствующих формах его нормативности (нормативные правовые акты, судебные прецеденты, правовые обычаи, нормативные договоры и др.), но и знаковость реализации права. Юридически значимое действие существует в (через) знаковой фиксации этого действия.

³ О праве в мультикультурном обществе см. подробнее: Честнов И. Л. Правовой мультикультурализм в контексте мирового культурного развития // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб., 2014. С. 524–527.

⁴ С помощью «мягкой силы» западные государства, прежде всего США, обеспечивают «мягкую гегемонию» на международной арене, создавая привлекательный образ западных ценностей общества изобилия (или потребления). См. подробнее: Русакова О. Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М., 2012. С. 92–102.

⁵ О символическом насилии см.: Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 54 и след.

⁶ Малинова О. Ю. Введение // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. М., 2011. С. 13.

⁷ Аль-Дайни М. А. Политические идеологии в контексте трансформации: особенности производства партийных идеологий в современной России // Идеино-символическое пространство постсоветской России... С. 34.

⁸ Garland D. Punishment and Modern Society: A Study in Social Theory. Oxford, 1990. P. 138.

⁹ Foucault M. Power and Strategies // Foucault M. Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. Brighton, 1980. P. 119.

начает, что тут и заключается политическая задача, внутренне присущая всякой социальной жизни»¹.

Одновременно (или параллельно) власть производит субъектов, формируя их характер и «нормализуя их», делая их способными и склонными придерживаться норм здравого смысла, здоровья, сексуального поведения и других нормативов благопристойности². При этом власть, как и все социальные явления и процессы, — принципиально амбивалентна: как минимум она может быть в определенном контексте принудительной, а может быть и «продуктивной»³.

Вышеизложенное дает основание заключить, что право в глобальном мире — это продукт действий (преимущественно дискурсивных) власти по конструированию того, что с ее точки зрения следует считать юридически значимым, всегда обусловленный историческим и социокультурным (включая политические, экономические и тому подобные ограничения) контекстом и реализацией сконструированных норм права, а также практик широких народных масс, участвующих в конструировании и воспроизводстве правовой реальности.

¹ Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 184.

² О конструировании «субъектов» в смысле как «свободного субъекта», так и подчиненного или подвластного см.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 159–160.

³ Об этом писал М. Фуко: Фуко М. Интеллектуалы и власть... С. 268–269. Э. Гидденс утверждает, что «деятельность логически подразумевает власть, понимаемую как способность к преобразованиям» (Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003. С. 57). В то же время М. Фуко полагал необходимым «...отличать отношения власти как стратегические игры между свободами — стратегические игры, способствующие тому, что одни пытаются обуславливать поведение других — на что другие реагируют попытками не позволять обуславливать свое поведение или в ответ обуславливать поведение первых — и состояниями господства, какие обычно называют властью. <...> Анализ таких техник необходим, потому что весьма часто с помощью техник такого рода устанавливаются и поддерживаются состояния господства» (Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Фуко М. Интеллектуалы и власть... С. 268). Э. Гидденс, в свою очередь, пишет, что «“господство” и “власть” неотъемлемо присущи “социальным ассоциациям” (или, с нашей точки зрения, человеческой деятельности как таковой). <...> Так, например, невозможно разделить “идеологический дискурс” и “науку”. Понятие “идеология” относится только к тем асимметриям господства, которые соединяют сигнификацию с легитимацией частных интересов. На примере идеологии можно удостовериться, что структуры сигнификации отделены от господства и легитимации исключительно на уровне аналитического приема» (Гидденс Э. Указ. соч. С. 78–79).